

Михаил Ващенко

Вклад представителей варшавской славистической школы в развитие российской кратистики

Przegląd Wschodnioeuropejski 3, 129-141

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

МИХАИЛ ВАЩЕНКО
Институт славяноведения РАН/Москва

ВКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВАРШАВСКОЙ СЛАВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ КРОАТИСТИКИ

Когда речь идет о становлении развитии российской кроатистики XIX в., следует отметить особую роль представителей варшавской славистической школы. Ее центр – Варшавский университет – был основан в 1869 г. на месте существовавшей с 1862 г. Главной школы. Варшавский университет имел особый статус, и условия его функционирования отличались от тех, которые были характерны для прочих российских университетов. В преподавании использовался в основном русский язык (исключение составляло, конечно, преподавание польского и других иностранных языков), многие профессора университета были приглашены из других городов Российской империи. Профессора Варшавского университета добивались значительных научных успехов, и, что особенно важно, в области хорватских исследований. В статье пойдет речь о деятельности трех наиболее выдающихся представителей варшавской школы: К.Я. Грота, В.В. Макушева и П.А. Кулаковского, которые в своих работах уделяли немало внимания хорватской истории и культуре.

Первый из упомянутых исследователей, Константин Яковлевич Грот (1853–1934) является автором первого в российской историографии труда, посвященного трактату «Об управлении империей» византийского императора Константина Багрянородного, основного источника по ранней истории сербов и хорватов.

Ученый тщательно анализирует текст источника, пользуясь и достижениями мировой историографии, в частности, работами Ф. Рачки и П.Й. Шафарика, в которых затрагивалась хорватская тема. Несмотря на то, что сведения о ранней хорватской истории в трактате скудны, противоречивы и порой носят отрывочный характер, это не помешало Гроту сделать вывод о «первенствующей роли хорватов» в период, описываемый Константином (VII–X вв.), поскольку хорваты, в отличие от сербов, заняли местность,

уцелевшую во время варварских нашествий, где была возможность для развития торговли и экономики в целом¹.

Важно, что показывает себя и как хороший текстолог, пытаюсь найти наиболее адекватную интерпретацию тексту этого источника, работа с которым представляет определенные сложности из-за его противоречивости и отрывочности. Грот, стремясь установить достоверность тех или иных сведений Константина, спорит и с предыдущими исследователями, писавшими о трактате, к примеру, с Шафариком, считавшим, что с середины VIII по первую половину IX вв., когда Византия переживала период упадка, хорваты временно освободились от зависимости от нее, и поэтому сведений о Хорватии до конца VIII в. в источниках не сохранилось. Это заблуждение, по мнению Грота, основывалось на неверной коньектуре² одного из предложений в тексте трактата³. В обоснование своего мнения ученый приводит другие цитаты из самого же трактата, подтверждающие его мысль, а также из хроники Фомы Сплитского⁴. Грот не пытается домысливать за авторов источников и, опровергнув ошибочные, по его мнению, суждения, не пытается заменить их своими, признавая, что во многих вопросах нет ясности, поскольку многие обстоятельства остаются неизвестными и сами эти вопросы «темны и запутанны»⁵. И даже когда ученый пипет о каком-то событии, которое, по его мнению, может быть объяснено, где ясность присутствует (к примеру, о том же обретении хорватами независимости: «Понятно, что такое бессилие империи было причиной того, что хорваты [...] стали мало-помалу добиваться самостоятельности»⁶), он все равно не забывает упомянуть о данных, которые могут свидетельствовать об обратном. Он отмечает, что есть признаки, по которым можно определить, что франки до 871 г. контролировали хорватские территории: во-первых, это грамоту князя Терпимира (852 г.), которая начинается словами: «Regnate in Italia piissimo Lothareo Francorum rege», во-вторых, письмо Людовика II⁷

---

¹ К. Я. Грот, *Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах и их расселении на Балканском полуострове*, Санкт-Петербург 1880, с. 86.

² *Коньектура* – восстановление не поддающейся прочтению или вовсе отсутствующей в оригинале рукописи части текста, которая вносится в текст исследователем при научном описании.

³ К. Я. Грот, *Известия Константина Багрянородного...*, с. 113.

⁴ *Фома Сплитский* (1200–1268) – хронист, политический деятель, с 1230 архидьякон в Сплите. Автор хроники «История архиепископов Салоны и Сплита», источника по средневековой истории югославянских народов, прежде всего, по истории Хорватии XII–XIII вв.

⁵ К. Я. Грот, *Известия Константина Багрянородного...*, с. 115, 119.

⁶ Там же, с. 122.

⁷ *Людовик II* (822–875) – император франков, старший сын императора Лотаря I.

к императору Василию Македонянину⁸ (871 г.) по поводу опустошений, произведенных византийским полководцем в землях приморских сербов (неречан), в котором франкский император употребляет выражение «*Sclavinia nostra*»⁹.

Конечно, Грот не мог обойти своим вниманием и вопрос о христианизации хорватов, который всегда представлял особый интерес для отечественных ученых, занимавшихся хорватской историей. Комментируя сообщение Константина об обращении хорватов после освобождения от франкского господства в Рим с просьбой о крещении, ученый подчеркивает, что «церковного разрыва между восточной и западной церквями тогда еще не было, и хорваты могли [...] не боясь возбудить неудовольствие Византии, обратиться к римскому папе»¹⁰. Грот не высказывает своего отношения и к последующим событиям, когда при князе Бранимире хорватские земли окончательно перешли под духовную власть Рима. Он просто констатирует факт: «В 879 г. он (князь Здеслав) был убит Бранимиром, который отложился от восточной церкви и отдался под покровительство римского папы. С тех пор Хорватия навсегда примкнула к Риму»¹¹. Самое важное, что ученый не оценивает это как шаг в «верном» или «неверном» направлении, что было свойственно многим исследователям, писавших о славянах католического вероисповедания.

Один из крупнейших представителей варшавской школы, историк и филолог, профессор Варшавского университета Викентий Васильевич Макушев (1837–1883), внес особый вклад в развитие отечественной кроатистики. С 1862 по 1865 гг. он был секретарем русского консульства в Дубровнике, где, помимо выполнения своих непосредственных обязанностей, проводил и научные изыскания в архивах и библиотеках города, интересуясь, в частности, установлением и развитием связей между Дубровницкой республикой и Россией. Результатом исследований Макушева стала его магистерская диссертация «Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника» (1867), а также вышедшая двумя годами раньше работа под названием «Материалы для истории дипломатических сношений России с Рагузской республикой». Кроме того, во время одного из своих путешествий по землям Австро-Венгрии в 1868 г. ученый посетил Загреб, и в том же году в «Журнале Министерства народного просвещения» были опубликованы его «Письма о литературном и политическом состоянии хорватского королевства».

---

⁸ *Василий I Македонянин* (836 (?)–886) – византийский император, основатель Македонской династии.

⁹ К. Я. Грот, *Известия Константина Багрянородного...*, с. 122–123.

¹⁰ Там же, с. 120–121.

¹¹ Там же, с. 145.

Макушев, как и многие отечественные слависты, пишет о развитии сербской (а не хорватской) литературы в Дубровнике: «В Дубровнике в одно и то же время процветали три литературы: латинская, итальянская и сербская... Родной сербский язык ограничивался семейной жизнью, поэзией и проповедями к народу»¹². В то же время он отмечает, что Дубровник являлся центром именно югославянской образованности¹³, т.е. признает, что «славянские Афины» были именно славянскими (точнее, югославянскими), а не только сербскими. Интересна и такая фраза Макушева: «Немало даровитых и образованных дубровничан посвятило свою деятельность братьям-сербам и русским»¹⁴. Таким образом, возникает вопрос о том, кем же Макушев считает жителей Дубровника – сербами, хорватами или, может быть, выделяет их в особую этноконфессиональную группу?

С одной стороны, прямо ответить на этот вопрос ввиду противоречивости авторской позиции представляется сложной задачей, но ясно в данном случае одно: автор признает, что жители Дубровника («дубровничане» или «рагузинцы») в большинстве своем исповедовали католицизм и не позволяли православным проводить свои богослужения, что вызывало у Макушева негативную реакцию. Автор, с одной стороны, отделяет «рагузинцев» от православного сербского населения, но в то же время не называет их сербами-католиками, да и вообще отделяет их от сербов как таковых. Кроме того, Макушев никак не объясняет, кого он подразумевает под ними в этническом отношении, при том, что этноним «хорваты» или «кроаты» он не употребляет. Таким образом, основной массой населения «славянских Афин» у Макушева выступают «дубровничане» («рагузинцы»), исповедующие католицизм, не получившие, к сожалению, какого-то более точного определения.

Именно деятельность католической церкви, имевшей в Дубровницкой республике сильное влияние, подвергается критике в течение всего повествования Макушева о дубровницко-русских связях. Своеобразным поводом для начала такой критики послужил описанный автором факт отказа дубровницких властей графу Савве Владиславичу-Рагузинскому¹⁵, состоявшему на русской службе, в строительстве православного храма на

---

¹² В. В. Макушев, *Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника. Приложение к XI тому Записок императорской академии наук*, Москва 1865, с. 26.

¹³ Там же, с. II.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Владиславич-Рагузинский Савва* (1668–1738) – российский дипломат, выходец из Герцеговины. В 1711 г. – представитель России в Черногории и Молдавии. В 1716–1722 гг. в качестве представителя Петра I вел переговоры в Риме и Венеции. В 1725 г. назначен послом России в Китае.

принадлежащей ему же территории (в саду, купленном им в городе). Особенно Макушева возмутил тот факт, что Савве Владиславичу не помогло даже заступничество императора Петра I¹⁶. Исследователь подчеркивает, что письмо Петра Великого в дубровницкий Сенат (составленное, кстати, как отмечает сам Макушев, в повелительном тоне) было первым дипломатическим документом дубровницко-русских отношений, как бы намекая читателю, что начало у этих отношений получилось не самое удачное, что и определило их дальнейшее, не слишком ровное (как покажет история) развитие.

Но ученый, конечно же, не ограничивается только описанием негативных сторон взаимоотношений Дубровника и России. Несмотря на всю критику «рагузинцев», Макушев отмечает среди их главных достоинств приверженность идее славянского единства еще в XV в. Более того, он находит сторонников этого единства под началом России среди католического духовенства, и не только простых священнослужителей, но и иезуитов: «...езуит Игнатий Градич, священник Степан Ружич и неизвестный автор оды «*La felicità comune*» воспевают подвиги православного царя русского»¹⁷. Автор сам удивляется тому, что в таком «фанатически католическом» обществе, каковым, по его мнению, было дубровницкое общество, появлялись такие люди, но он, тем не менее, сообщает о них русскому читателю, приводя цитаты из их стихотворных произведений и даже биографические сведения о них. Упоминает Макушев и о многих гражданах Дубровницкой республики, состоявших на русской службе, «из коих некоторые достигли высших степеней в государстве и оказали немаловажные услуги России...»¹⁸.

Но все же гораздо подробнее Макушев останавливается на конфликтных ситуациях во взаимоотношениях России и Дубровника в XVIII – начале XIX вв. Так, автор подробно, опираясь на источники, описывает враждебное поведение дубровницких властей во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг., приводя следующие факты: задержание русского торгового судна по распоряжению дубровницкого консула в Генуе, участие дубровницкого флота в торговых сношениях с Османской империей (перевозка продовольствия), предоставление в распоряжение турок некоторых кораблей флота республики и даже участие дубровницких матросов в военных действиях на турецкой стороне. Макушев справедливо отмечает, что «...Россия имела весьма основательные причины

---

¹⁶ В. В. Макушев, *Материалы для истории дипломатических сношений России с Рагузской республикой*, Москва 1865, с. 9.

¹⁷ Там же, с. 15.

¹⁸ Там же, с. 17.

неудовольствия на Рагузу»¹⁹. Недовольство автора, как, впрочем, и российских властей, по-прежнему вызывала деятельность католической церкви в Дубровнике. Но исследователь выражает надежду на то, что влияние России на положение дел в Дубровнике, присутствие в городе российского консула и заключение с Россией в 1775 г. конвенции о нейтралитете в случае военных действий, принесет свои плоды: «Республика очень хорошо понимала, что на глазах православного консула [...] ей будет неудобно обращаться по-прежнему со схизматиками»²⁰.

В 1806 г. в ходе военных действий России против наполеоновской Франции русская эскадра под командованием Д.Н. Сенявина вошла в Бокототорский залив. Макушев описывает эти события в самых восторженных тонах: «Занятие нашими войсками Боки Которской, так сильно встревожившее католиков рагузинцев, заставило сильно биться сердца наших единоверцев»²¹. Макушев не без удовольствия отмечает, что почти все дубровницкие торговые суда, «занимавшиеся, по обычаю, перевозкой контрабанды», были конфискованы русскими моряками. Описывая военные действия между французами и объединенными силами русских и черногорцев, Макушев иллюстрирует свой рассказ свидетельством некоего дубровчанина, весьма эмоционально описывавшего действия русских и черногорцев: «Русские были во главе этой гнусной сволочи [...] частные дома, монастыри и церкви были ими разграблены и сожжены»²². Ученый не отрицает данных фактов, говоря лишь о некоторых преувеличениях со стороны очевидца, и даже в какой-то степени оправдывает эти действия, считая их мезтью «за все оскорбления, претерпенные ими в продолжение стольких веков от фанатиков-католиков рагузинцев»²³. К сожалению, неприязнь ученого к «фанатикам-католикам» позволяет ему оправдывать мезть и акты мародерства в отношении жителей Дубровницкой республики со стороны черногорцев и других союзников России в борьбе с Наполеоном, просто «не привыкших к порядку и послушанию»²⁴.

В целом описание Макушевым истории дубровницко-русских связей оставляет двоякое впечатление. Ученый приводит примеры из разных областей этих взаимоотношений, но красной нитью сквозь все повествование проходит его неприязнь к католицизму, негативно влияющая на авторское повествование, благодаря которому создается впечатление,

¹⁹ Там же, с. 23.

²⁰ Там же, с. 38.

²¹ Там же, с. 49.

²² Там же, с. 59.

²³ Там же, с. 61.

²⁴ Там же.

что Дубровницкая республика была чуть ли не враждебно настроенным по отношению к России государством, в котором притеснялось православие. Деятельность дубровчан на русской службе описана гораздо менее подробно, чем межгосударственные конфликтные ситуации (хотя это и было вызвано, по словам автора, недостатком источников). Двойственное отношение Макушева к Дубровнику наглядно показывает его фраза о падении Дубровницкой республики: не забыв упомянуть ее достижения в области торговли и культуры, он не без удовлетворения отмечает, что пала она жертвой своего вероломства²⁵.

Может создаться впечатление о неприязненном отношении Макушева к хорватам-католикам, сложившееся у него во время пребывания в Дубровнике (возможно, на такое отношение повлиял в том числе отказ дубровницких властей в доступе к материалам городского архива) и изучения истории его сложных взаимоотношений с Россией. Но от прочтения его «Писем о литературном и политическом состоянии хорватского королевства», написанных под влиянием посещения Загреба, впечатление остается несколько иное. Не обходится, конечно, без критики (порой справедливой) хорватского общества, но, в отличие от «дубровницких» исследований, в «Письмах...» практически нет никакого ожесточенного неприятия католицизма. Из текста этих писем видно, что Макушев всерьез интересуется литературной и общественно-политической жизнью «хорватского королевства», и у него даже есть свои предпочтения в этих областях.

Первое из них представляет собой сплав личных впечатлений автора от посещения Загреба и знакомства с представителями местной элиты с пересказом содержания изданий «Трудов Югославянской академии наук и искусств» за 1868 г. Во втором письме, гораздо меньшем по объему, дается краткий обзор хорватской литературы и хорватских политических партий в целом.

Самое главное впечатление Макушева от Загреба – это засилье в городе немецкого языка, которое он объясняет не только «правительственным гнетом», но и «недостатком стойкости» хорватов. По этому поводу ученый высказывается довольно резко, но во многом справедливо: «Разделенные на враждебные друг другу партии, они не страшны немецко-мадьярской Австрии: они бродят, как овцы без пастыря»²⁶.

В первом «Письме...» ученый приводит точные статистические данные о Загребе, о его внутреннем делении, его церквях, школах, училищах,

²⁵ Там же, с. 65.

²⁶ В. В. Макушев, *Письма о литературном и политическом состоянии хорватского королевства*, „Журнал министерства народного просвещения“ 1868, ч. СXXXIX, с. 809.

описывает основные достопримечательности города: район Каптол с кафедральным собором, площадь Елачича с памятником хорватскому бану, парк Максимира. Впрочем, Макушев, при том, что достопримечательности Загреба (в том числе средневековые) он находит и описывает, замечает, что «...здесь, за исключением первопрестольной церкви, нет ни одного древнего памятника, который напоминал бы прежнюю славную жизнь хорватов»²⁷. Славист отмечает, что «путешественнику, незнакомому с хорватской историей, Загреб должен представляться бедным провинциальным городом: он поражает своею бедностью. Здесь нет тех величественных зданий, которыми так богата Прага», хотя и признает, что «...в последние два года хорваты стали заботиться об украшении Загреба»²⁸. Сетования Макушева как по поводу бедности Загреба, так и по поводу «отсутствия» в нем памятников старины, вряд ли можно признать справедливыми. Было бы опрометчиво делать выводы о благосостоянии города, приводя в качестве довода лишь отсутствие в нем «величественных зданий, как в Праге». Что же касается отсутствия средневековых достопримечательностей, то вряд ли ученый не знал, что памятники истории и культуры средневековой Хорватии до подчинения ее Венгрии следует искать вовсе не в Загребе, а в далматинских городах – в Дубровнике, Сплите, Задаре, Нине, Биограде-на-Мору.

Впрочем, описанию самого Загреба Макушев уделил гораздо меньше внимания, чем Югославянской академии и в особенности личности Й.Ю. Штроссмайера, которым ученый искренне восхищается: «...нельзя не признать в нем хорватского мецената и забыть то, что он сделал для своего народа, недаром назвавшего его «сыном отечества»²⁹. Кроме того, ученый приводит обширные, на страницу, цитаты из его выступлений на заседаниях академии о необходимости развития хорватской культуры и славянской взаимности в области культуры и просвещения. Не преминул автор отметить и о неприязненном отношении большей части католического духовенства к Штроссмайеру. Впрочем, о политических движениях в хорватских землях и своем к ним отношении Макушев подробнее рассказывает во втором письме. В первом же ученый подробно пересказывает содержание статей «Трудов» академии, причем, не только тех, которые были посвящены каким-то частным проблемам славянской филологии или истории, но и те, которые могли бы заинтересовать и более широкую публику. В частности, Макушев излагает содержание трудов, посвященных статистике Триединого королевства авторства хорватского ученого П. Матковича.

---

²⁷ Там же, с. 809.

²⁸ Там же, с. 812.

²⁹ Там же, с. 816.

Среди отличий работы Макушева от трудов других российских славистов, описывавших деятельность академии, можно отметить то, что варшавский славист излагает содержание практически всех статей (а не только тех, которые представляют для него узкопрофессиональный интерес) и не просто пересказывает эти статьи, но и пытается более глубоко анализировать их содержание, более открыто высказывает свою позицию по тому или иному вопросу, затрагиваемому в статьях. Несмотря на все свое негативное отношение к некоторым особенностям хорватской политической, религиозной и обыденной жизни, Хорватия для Макушева представляет интерес, и, как настоящий профессионал, он глубоко и всесторонне подходит к изучению предмета.

Во втором «Письме...», в отличие от первого, гораздо меньшем по объему (но не менее важном по содержанию), дается краткий обзор литературной жизни Хорватии. Автор, ссылаясь на самих же хорватских литераторов, констатирует, что национальная литература не встречает в хорватском обществе должной поддержки: «По отзывам тамошних писателей, большинство жителей ничего не читает; другие ограничиваются чтением газет, скудных содержанием»³⁰. Макушев рисует довольно мрачную картину состояния литературной жизни Хорватии, высказываясь достаточно резко: «Хорватская беллетристика в полном упадке... Повесть и роман не существуют; ибо не достойны этого имени бумагомарания незрелых хорватских лже-поэтов»³¹. Из хорватских литераторов автор выделяет в первую очередь И. Кукулевича-Сакцинского³², о котором он приводит некоторые биографические данные и список написанных и изданных им литературных произведений. Но даже его литературную деятельность Макушев оценивает невысоко: «Уважая вполне патриотические стремления г. Кукулевича, сочувствуя мыслям, им высказанным, мы, тем не менее, должны сознаться, что он не рожден поэтом»³³.

Именно деятельность Кукулевича-Сакцинского в политической сфере находит сочувствие у Макушева. Он цитирует его «смелые речи» 1840-х гг., направленные против мадьяризации Хорватии и упоминает о его заслугах во время революции 1848–1849 гг. (инициатива созыва Славянского съезда в Праге, посредничество при заключении сербо-хорватского союза): «В речи, произнесенной 5-го февраля 1844 года на Загребской скупштине, г. Кукулевич изобразил раздоры хорватов, как главную причину всех их

---

³⁰ В. В. Макушев, *Письма о литературном и политическом состоянии хорватского королевства*, Журнал министерства народного просвещения 1868, ч. CXL, с. 181.

³¹ Там же, с. 189.

³² Иван Кукулевич-Сакцинский (1816–1889) – хорватский историк, писатель, общественный деятель, основатель «Югославянского исторического общества».

³³ Там же, с. 185.

несчастий»³⁴. Макушев не скрывает своих симпатий и к народной (он называет ее «народно-австрийской») партии, которую и основал Кукулевич. Ученый пишет о существовании в Хорватии трех партий: мадьяронской, оппозиционной и народно-австрийской. «Мадьяроны – космополиты и материалисты; народность для них не имеет никакого значения; они помышляют только о земных благах, ожидаемых ими от мадьяр»³⁵ – так оценивает он первую партию. Не вызывает у него одобрения и деятельность Партии права («оппозиционной» в его терминологии), которую он называет «слабой» и обвиняет ее в попытках заключить союз с мадьяронами, хотя и отмечает, что эта партия выступает за автономию Хорватии. И только о Народной партии ученый пишет, что ее стремления кажутся ему «наиболее разумными»³⁶. Таким образом, Макушев, хотя и осуждает внутрехорватскую политическую борьбу, но у него, как можно заметить, есть свои предпочтения среди хорватских партий и политических лидеров. В отличие от работ по истории Дубровника, позиция автора по отношению к хорватам не такая жесткая – он не только не сосредоточивает свое внимание на католицизме, но даже и показывает себя сторонником католического епископа Штроссмайера.

Историк и филолог, также принадлежавший к варшавской школе, Платон Андреевич Кулаковский (1848–1913) внес существенный вклад в развитие отечественной кroatистики как автор фундаментального труда «Иллиризм: исследование по истории хорватского национального возрождения». Исследователь собирал материалы по иллиризму в Загребе и Любляне, находился в контакте с Ф. Рачки, который, по словам автора монографии, давал ему полезные указания. Несмотря на то, что в отечественном славяноведении иллиризму уделялось достаточно внимания, к примеру, в трудах посвященных истории славянских литератур, ему посвящались научные статьи, но именно монография Кулаковского явилась первым обширным и обстоятельным исследованием истории хорватского национального возрождения. Нельзя, впрочем, не признать, что, по сути, труд Кулаковского является фактологическим. Им было привлечено большое количество источников, славист показал хорошее их знание, но аналитики в этой работе очень мало. Тем не менее, авторскую позицию по излагаемому им материалу проследить все же можно.

Основное внимание автор уделит, конечно же, изложению литературной деятельности иллиров, жизненному пути идеологов движения и влиянию их идей на соседние славянские народы. Среди

---

³⁴ В. В. Макушев, *Письма о литературном и политическом состоянии хорватского королевства...*, с. 193.

³⁵ Там же, с. 191.

³⁶ Там же.

основных достоинств иллирской теории Кулаковский, как и многие его предшественники, отмечал готовность Гая и его соратников принять штокавское наречие в качестве единого литературного языка: «...вожди литературного возрождения этой народности отказались от обработки и развития своего местного наречия и приняли хотя родственное и близкое, но все же иное [...] наречие соседней славянской народности»³⁷. Ученый отмечал, что принятие штокавского (или, в его терминологии «штокавско-сербского») диалекта способствовало и сближению хорватов Провинциала с хорватами, жившими в Далмации и Славонии. Таким образом, это служило делу консолидации хорватской нации: «Иллиризм повел к тесному сближению далматинцев со славонцами и хорватами, имеющему существенную важность для хорватской народности»³⁸. Именно благодаря распространению идей иллиризма Загреб и собственно хорватские земли становятся политическим и культурным центром всего Триединого королевства. Хотя Кулаковский признает, что даже далматинцы долго не хотели признавать первенства Загреба в литературном отношении и до последнего старались сохранить местные особенности произношения и правописания, не говоря уже о сербах. Автор оправдывает сербское неприятие идеи иллиризма, которая, по его мнению, могла бы угрожать политической самостоятельности Сербии.

Что касается политической составляющей иллиризма, то Кулаковский справедливо отмечает его чисто хорватскую природу, поскольку иллиризм был вызван необходимостью борьбы хорватов с мадьяризацией. Важно отметить, что автор рассматривает иллиризм именно как прикрытие для хорватов в их борьбе за свои узконациональные права³⁹.

Говоря о внешних факторах, способствовавших возникновению иллирийского движения, Кулаковский, помимо влияния французских энциклопедистов, французской революции и деятельности Наполеона, называет также рост политического влияния России. Автор приводит многочисленные примеры, связанные с помощью России Сербии в ее борьбе с турками, русско-черногорскими связями, и лишь вскользь упоминает о хорватско-русских связях в данном контексте (деятельность Крижанича и оды дубровницких поэтов в честь Петра Великого). Но важно то, что прямых доказательств влияния России на возникновение в Хорватии именно иллирийского движения как такового, Кулаковский не приводит, хотя и пытается, к примеру, называя, П.Р. Витезовича, писавшего оды

---

³⁷ П. А. Кулаковский, *Иллиризм: исследование по истории хорватского национального возрождения*, Варшава, 1894, с. 397.

³⁸ Там же, с. 409.

³⁹ Там же, с. 408–409.

в честь Петра I, «предшественником деятельности Гая». Тем не менее, такого рода логические построения автора представляются весьма натянутыми. Но в целом, исследователь склонен оценивать иллиризм как «одну из самых плодотворных литературных и политических теорий» в славянском мире вообще. Славист все же не рассматривает иллиризм только как некую ширму, которой его идеологи, хорваты по национальности, прикрывали свои специфические национальные цели. Кулаковский подчеркивает, что общеславянская составляющая идеи иллиризма, по его мнению, повлияла на дальнейшие стремления сербов, хорватов и словенцев к взаимному сближению (т.е. на будущие югославянские теории). «Достигнут ли юго-западные славяне такого объединения с восточными славянскими ветвями, – пишет исследователь, – это вопрос будущего, но несомненно, что иллирская теория со всеми своими дальнейшими выводами пробудила и обосновала такое стремление, возбудила энергию в тогдашних деятелях и направила югославян к такой задаче»⁴⁰.

Таким образом, можно сделать вывод, что представители варшавской школы славяноведения внесли существенный вклад в изучение Хорватии в России. Они исследовали хорватскую историю и культуру начиная с раннего средневековья и заканчивая второй половиной XIX в., т.е. современными им событиями. Несмотря на свойственную ученым излишне критическое отношение к славянам-католикам, которое было отличительной чертой русских ученых в XIX в., и Грот, и Макушев, и Кулаковский добились значительных успехов в исследовании Хорватии и сделали для развития российской крoатистики больше, чем кто-либо из их коллег из других университетов России.

The contribution of representatives of Warsaw Slavistic school to development of Croatian studies in Russia

This article is devoted to contribution of representatives of Warsaw Slavistic school to development of Croatian studies in Russia. Among these academicians who researched the history and culture of Croatia were K. Ya. Grot, V.V. Makushev and P.A. Kulakovskiy. The Grot's sphere of interests was closely connected with Croatian history of the early Middle Ages. He devoted the monograph to the main historical source about this period, the Byzant emperor Constantine VII's work „On the governance of the Empire”. Grot attentively analyzed the text of the source and gave the conclusion about more progressive economical development of the Croatian people, compared with Serbs. He did not blame the Croats for their orientation to Catholic Rome and did not evaluate it as a step in the wrong direction.

---

⁴⁰ П.А. Кулаковский, *Иллиризм: исследование по истории хорватского национального возрождения...*, с. 411.

Makushev seriously studied the history of Dubrovnik and its relationship with Russia. Although the historian sharply criticized the discrimination of Orthodox population in Dubrovnik, he also marked the positive sides of relations between Dubrovnik and Russia, for example, the spread of Slavic mutuality and Russophile ideas among the educated Dubrovnian people. The main monograph of Kulakovskiy deals with the Illyrian movement which was not so deeply and seriously researched of Russian slavists before. He particularly noted the courage of Illyrians who refused to use their Kajkavian dialect and accepted the Shtokavian dialect in the name of creation of united literary language of the South Slavs. Kulakovskiy also marked the political importance of Illyrism as the part of Croatian national revival and the way of struggle against Hungarisation. These problems of Croatian history and culture were in the first time seriously researched precisely in the works of Warsaw slavists.